

ГЛАВА 1

— Вот вроде умная ты баба, Крайнова, но дура! — вздохнул полный мужчина в рубашке в крупную клетку, делавшую его еще толще.

Слова его были обращены к молодой женщине тридцати или тридцати с небольшим лет с бледным лицом, абсолютно без косметики, с огромными светлыми глазами, спрятанными за линзами очков. Ее худая, мальчишеская фигура была облачена в модно-рваные джинсы, чудом державшиеся на худых бедрах, и джемпер крупной вязки, на груди которого красовался выложенный стразами череп с перекрещенными костями. Волосы светло-пепельного цвета были небрежно забраны сзади в хвост, а на лоб падала густая челка, делавшая ее взгляд по-детски наивным. На ногах ее были короткие темно-коричневые сапожки на тонком каблучке средней длины. Звали ее Агата Анатольевна Крайнова, и работала она внештатно в одном известном московском издательстве, выпускающем бизнес-журнал.

Агата Крайнова обладала острым умом и вольнолюбивым характером и на предложение

главного редактора журнала Павла Павловича Ершова войти в его команду штатным сотрудником всегда отвечала отказом. Она не представляла, как это можно сидеть на работе от и до, быть привязанной к одному месту, к одной теме. Она была очень разносторонняя особа и хотела жить абсолютно независимо ни от кого. Когда-то способная студентка, она стала талантливой журналисткой.

Агата писала потрясающие статьи на разные темы — от экономических сводок до художественных опусов. Она не чуждалась советов людей, профессионалов в своей области, дотошно подходила к исследованию материала. Целыми днями она могла пропадать в библиотеках и сидеть за компьютером, чтобы не сделать ляпсуса, поэтому все ее работы были четко выверенными и интересными. Окончив МГУ, Агата Крайнова бралась за любую работу, печатаясь везде, и завоевала себе авторитет. На данный момент она уже являлась журналистом, чье имя было известно многим главным редакторам изданий, большинство которых упорно звали ее на постоянную работу, но Агата предпочитала сотрудничество за разовые гонорары. На жизнь себе, своей матери-пенсионерке и подруге-инвалиду Агата зарабатывала своей головой. После сдачи очередного материала она могла себе позволить месяц ничего не писать, поехать куда-нибудь отдохнуть или просто валяться в постели, отключив телефон. Затем она снова впрягалась в работу, забывая иногда о сне и еде. И такая жизнь ее вполне устраивала. Агата не любила работать с «желтой прессой», но когда нужны

были деньги, она бралась и за «черную работенку», добывая какой-нибудь компромат на ту или иную знаменитость.

На досуге Агата Крайнова пробовала себя и в писательском труде, выпуская женские любовные романы под псевдонимом Анна Плохова. Почему-то самой Агате было стыдно признаться в своей слабости. В романах она воплощала то, чего у нее в реальной жизни не было, а именно любви. В студенческие годы вскружил, правда, ей голову один тип своими философскими размышлениями и глубоким познанием жизни. Это был Денис Григорьевич Крайнов, студент старшего курса философского факультета главного вуза страны. Агата по молодости и по наивности попала на его красивые разговоры. Она решила, что с милым рай и в шалаше, и именно с Денисом она пойдет в этот шалаш, они проживут долго и счастливо, родят сына и дочь и умрут в один день, окруженные заботливыми детьми, внуками и правнуками. У Дениса не было ни жилья, ни автомобиля, ни вещей, ничего не имелось, даже шалаша, и это являлось его жизненной философией. Как ни странно, Агата принимала его таким, каков он был, и ничего от него не требовала. Уже на старших курсах она начала писать статьи и печататься в разных изданиях, заниматься переводом с двух языков. Денис же работать считал ниже своего достоинства.

Мать Агаты, Клара Алексеевна, женщина спокойная, мирная и рассудительная, в жизнь дочери не вмешивалась и приняла зятя таким, каким он был. Это была золотая теща.

А вот тесть, Анатолий Петрович, человек рабочей закалки, более импульсивный и прямой, воспринял новоиспеченного зятя в штыки. Анатолий Петрович называл его лентяем, тунеядцем, альфонсом, постоянно попрекая дочь, что она привела в дом такого «дармоеда». Агата обижалась на отца и металась между мужчинами, словно между молотом и наковальней. Чтобы спасти брак молодых, мать Агаты, являясь владелицей трехкомнатной квартиры в центре, удачно разменяла ее на две двухкомнатные — тоже не на окраине. В одну поехала она с мужем, а в другую отправились Агата с Денисом.

Три года молодые жили в любви в квартире Агаты и на ее же заработки, а затем произошел трагикомичный случай. От сердечного приступа скоропалительно в ванной у себя дома умер отец Агаты Анатолий Петрович. По настоянию его жены гроб с телом для прощания установили прямо в квартире. В какой-то момент Кларе Алексеевне почудилось, что гроб с телом, поставленный на табуретки, криво стоит, и она попросила зятя проверить. Денис, к тому времени уже будучи выпивши, зачем-то полез под гроб. Неуклюже сдвинув гроб со скользких поверхностей табуреток, Денис подписал себе приговор. Гроб придавил его к полу, особо пострадала голова. Так Анатолий Петрович нанес свой последний нравоучительный удар зятю. Очнулся Денис в больнице с диагнозом ушиб мозга и перелом глазницы — два выбитых передних зуба в счет уже не шли.

После этого случая с Денисом Крайновым

произошли разительные перемены. Складывалось впечатление, что кто-то невидимой рукой повернул выключатель у него в голове в противоположную сторону. Он кардинально поменял все свои взгляды и мироощущения — говоря проще, он просто заиклился на зарабатывании денег, сдвинулся. Уходил рано, приходил поздно, часто в непотребном виде: избитый и пьяный. Поэтому Агата даже не решилась спросить, каким образом он добыл свой начальный капитал. Денис стал хозяином пивного ларька, чем несказанно гордился, затем — двух ларьков у станций метро, потом палатки на рынке, директором прачечной, автобазы и так далее. Что называется, бизнес рос.

Агату это сначала удивляло, потом забавляло, а затем стало раздражать. Муж изменился внутренне, общаясь с какими-то странными, недалекими людьми, он и сам опустился до их уровня. О философии больше не шло и речи. Он погрузнел, сбрил волосы, надел пресловутый малиновый пиджак, золотой ошейник и перстень с бриллиантом. Агата его не узнавала.

— Денис, опомнись! Что это за имидж? Что за жаргон? Ты же тонко чувствующий человек! Философ, наконец!

— К черту философию, — огрызнулся он и кидал ей пачки денег. — Вот единственная философия! Радуйся! Наконец-то мы начнем жить!

Агате становилось страшно и совсем нерадостно, так как в его деньгах она особо не нуждалась.

— Денис, я любила тебя другим! — пыталась донести до его сознания Агата.

— Ты меня подавляла, ты любила тряпку, а сейчас я стал мужчиной, и тебе, женщина, придется с этим считаться.

Агате это тоже не понравилось, так как ей показали место, словно собаке. Когда Денис стал вдобавок еще и директором кладбища, он стал совсем невыносим. Ей уже чудилось, что он стал и пахнуть по-другому, ведь фантазия у нее работала.

Она чувствовала себя хорошо только тогда, когда уезжала из дома в командировки, — и это был плохой признак. Потом Агата начала догадываться, что муж ей изменяет. По всей видимости, оргии с девицами в клубах и в саунах тоже должны были дополнять его новый образ. Не спас этот брак и родившийся сын. Видимо, памперсы, детский плач и постоянно появляющаяся в доме теща как помощница по хозяйству не нравились Денису.

— Бросай работу и сама сиди с ребенком и управляйся по хозяйству, как все нормальные жены! — приказал он Агате.

— Я не из числа домохозяек, ты должен был лучше знать меня. Я не могу бросить свое дело, которого добивалась много лет.

— Что это за дело? Всякие писульки и сплетни, — скривил лицо Денис.

— Раньше ты так не говорил, — грустно отметила Агата, с ужасом осозная, что вышла замуж за одного человека, а в итоге получила совсем другого. — Может, нам расстаться? — первая предло-

жила Агата, понимая, что в ее сердце не осталось никаких чувств к мужу. Он перестал ценить ее как личность и как человека.

Дениса это предложение очень задело, но он не стал настаивать на обратном.

— Ну что ж... как скажешь! Посмотрим, как ты без меня протянешь, «железная леда». Приползешь на коленях и будешь жрать с руки, — напоследок сказал он, хлопнув дверью.

Он ушел от них, когда Агате было 27 лет, а их сыну Виталику — всего год. Сыном Денис не интересовался вовсе, словно ребенок без покорной жены был ему не нужен. А в квартиру супруги он наведывался, чтобы потрепать ей нервы и унижить. Больше всего Дениса бесило ее равнодушие и то, что его ожидание того, что ей будет без него плохо, не оправдалось.

Агата подала на развод и с третьей попытки получила его. Денис на заседание суда так и не явился, все надеясь, что она одумается. После этого бывший муж начал чинить козни бывшей жене с новой силой. А по его налитым кровью злым глазам и вечно отекающему лицу Агата понимала, что он пристрастился к спиртному, что объясняло многое, и его стремительную деградацию в том числе.

В общем, замужество Агаты оказалось неудачным, и чтобы второй раз пойти под венец, она даже и не помышляла, вся погрузившись в работу. Рабочий день у нее был ненормированный, и вела она богемный образ жизни, поэтому Виталик проживал со своей бабушкой, у которой в последнее

время ухудшилось здоровье. Агата видела ребенка два раза в неделю, забивала им холодильник продуктами и давала деньги. Клара Алексеевна водила внука в хороший садик, расположенный недалеко от ее дома, и на различные занятия — от бассейна до музыкального кружка. Агата в глубине души всегда корила себя, что она плохая мать, хоть сын ее очень любил. Те редкие мгновения, что они проводили вместе, для Виталика были настоящим праздником. Мама не ругала, не воспитывала, приезжала с гостинцами и новыми книжками. Виталику исполнилось шесть лет, и он рос очень смышленным и сообразительным мальчиком.

— Уходила бы ты со своей сумасшедшей работы, занялась бы ребенком, как все путные женщины, — жаловалась Клара Алексеевна.

— Ты же знаешь, какая я...

— Знаю! Умная и ответственная. Вот и шла бы в школу учительницей английского языка, куда Виталик скоро пойдет. Там требуется, я узнавала, — хитро посмотрела на нее мать. — Ребенку легче попасть туда будет, школа-то не простая, туда конкурс, да и учиться так легче. Все-таки мама — учительница.

Агата рассмеялась звонким смехом, явив миру две очаровательные ямочки на щеках.

— Ну ты и хитра! Учительницей! Узнала она все! Да кто же меня возьмет в школу без педагогического образования? Мама, ну ты же умный человек!

— Хорошо-хорошо! Иди переводчиком, хо-

чешь, я позвоню Клаве, она договорится о встрече в посольстве? — не унималась Клара Алексеевна.

— Не надо, мама, — поморщилась Агата.

— Устройся в офис! Сколько журналов тебя звали, и эти женские, интересные тоже. Будешь, как все белые люди, ходить в офис на работу, в шесть часов возвращаться домой, а? Неужели ты не хочешь стабильности?

— Мама, я сойду с ума в офисе от скуки!

— Ты ненормальная, это точно! — всплеснула руками Клара Алексеевна.

— Уж какая есть. Не думаю, что я способна на разительные перемены даже ради кого-то. Раньше ты меня ни в чем не упрекала.

— Упряма в отца, — подвела итог Клара Алексеевна, понимая, что проиграла.

Все это за несколько секунд пронеслось в голове Агаты, когда она сидела напротив редактора солидного журнала Павла Павловича.

ГЛАВА 2

— Ну, Крайнова, не обиделась, что я называю тебя дурой? — спросил Павел Павлович, почесывая себе затылок.

— На кого другого и обиделась бы, а вот на вас нет. Что на дурака обижаться-то? — прищурилась Агата.

Павел Павлович рассмеялся, стукнув внушительного размера кулаком по столу:

— Крайнова, я же любя. А кроме того, дур мужики любят.

— Они любят стерв.

— Нет, от стерв они не уходят, так как боятся, а вот любят дур, — поправил ее Павел Павлович.

— Почему же я одинока? — поинтересовалась Агата.

— А ты только свистни!

— Я свищу.

— Ты рычишь и фыркаешь, Крайнова, а это разные вещи. Кроме того, ты дура, но умная, а это страшная смесь, не каждый вынесет. Вот такой вот каламбур, — обнажил зубы, явно вставные, в улыбке шеф-редактор.

— Много работы! — вздохнула Агата.

Павел Павлович опять рассмеялся:

— С тобой не соскучишься, был бы я холост, я бы рискнул.

— Может, хватит обсуждать мою личную жизнь, тем более что с ней все ясно как божий день? — миролюбиво заметила Агата. — Зачем позвали?

Этот журнал был одним из ее любимых, потому что требовал от нее больших сил, что Агате нравилось. Кроме того, он был сугубо мужским, и Агате льстило, что ее статьи, в принципе дилетанта, проходили на ура.

— Что ты думаешь об этом человеке? — спросил редактор и положил перед ней фотографию.

Она взяла ее в руки и внимательно рассмотрела. Агата была не профессиональным, но классным фотографом, так как приходилось иногда делать снимки самой к своим работам.

Качество фотографии, что ей дал редактор,

было никудышное, но кое-что разглядеть все же можно. На фотографии был изображен мужчина, возраст и рост которого оценить не представлялось возможным. Он был сфотографирован в профиль. Агату поразило его лицо, все покрытое какими-то неясно выраженными, но заметными шрамами, рубцами...

— Что это? Дефект пленки? — спросила она, ранее не видевшая ничего подобного.

Вместо ответа редактор протянул ей другую фотографию:

— А что думаешь об этом?

Здесь тоже был изображен мужчина, и тоже в профиль. Темные волосы до середины шеи, четкий идеальный профиль, мужественный подбородок, красивая бровь, высокий лоб, прямой нос и темный глаз.

— Какой-то голливудский артист? — спросила Агата.

— Это один и тот же человек, — ответил Павел Павлович.

— А... все-таки дефект пленки.

— Нет! Внимательнее, Крайнова. Это разные половины его лица, и эти шрамы — реальность. Половина лица у него явно изуродована.

Агата еще раз посмотрела на фотографии. Ее посетило противоречивое чувство, так как на одной фотографии был абсолютный красавец, на другой — явный урод. Не воспринималось, что такие крайности сочетались в одном человеке.

— Похоже на ожог... — сказала она.

— Я тоже так думаю, — кивнул редактор.

— Думаете? Вы не знаете? Я имею в виду, странно, что вы проявляете к этому человеку такой интерес и не знаете, что с его лицом. Это так явно...

— Проницательна, как всегда, чертовка! Дело в том, что никто ничего не знает об этом человеке, кроме общих сведений, и мне это не нравится. Зовут его Александр Романович Берсенев, ему тридцать шесть лет, и он один из самых богатых людей Европы, в том числе и России. У него огромная компания, целый концерн, занимающийся многими сферами деятельности. Больше не известно ничего! Ни одного интервью, ни одной встречи с журналистами, ни одной публикации ни в одном издании. У нас даже ставки сделали, в каком журнале он все-таки засветится, и я хочу, чтобы это был мой журнал. Мы пишем о людях бизнеса, и он самый настоящий человек бизнеса. Эти фотографии были сделаны тайно одним из наших фотокорреспондентов. С такими оборотами капитала он должен быть у нас в журнале! Я знаю: его личность интересна всем бизнесменам, и журнал с его интервью и фотографией на обложке побил бы все рекорды продаж! — возбужденно сказал Павел Павлович, облизав губы в предвкушении «горячего» материала.

Агата покосилась на фотографии Берсенева, думая о том, что вряд ли стоит помещать его фотографию на первую страницу.

— Я даже знаю, как бы я назвал статью о нем — «Бизнес в России!», — продолжал распалиться редактор, — потому что, по слухам, госпо-

дин Берсенев долгое время жил за границей и сколотил свой начальный капитал именно там. Никто не знает, с чего он начинал и даже в какой стране! — Редактор от переизбытка чувств закашлялся и залпом осушил чашку давно остывшего кофе.

— От меня-то что вы хотите? — Агата сняла очки и начала протирать стекла. Она часто так делала, когда хотела уйти в себя, сконцентрироваться на внутренних ощущениях.

— Ты опять дурочкой прикидываешься? Что я могу хотеть от своего лучшего журналиста? Чтобы ты была первая, кто возьмет у него интервью, — ответил ей Павел Павлович, раздраженно нажимая на кнопку вызова секретаря. — Света, в чем дело?! Почему кофе холодный, как кобылья моча, извините?

— Шеф, я приносила его вам два часа назад, — ответил молодой голос.

— Хватит пререкаться! Свари еще! — Павел Павлович отключился и посмотрел на понуро сидящую Агату. — Ну, что скажешь?

— Мне это напоминает «поди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что». Вы сами-то понимаете, о чем меня просите? Человек не дает интервью, а вы говорите, возьмите у него интервью. Как? Может, научите?

— Ну, Крайнова, это уже твои профессиональные хитрости, за это тебя и ценим, и платим, опять каламбур! Добивайся, хитри, подстерегай, шантажируй, в конце концов! примени на нем свое женское обаяние.

— Павел, остановись! Ты еще скажи — переписи с ним ради интервью в твой журнал! У меня есть свои принципы, которые я никогда не переступлю, — сразу предупредила его Агата.

— Все принципы заключены в золоте, — постучал по столу редактор, словно он был из этого благородного металла. — Я заплачу тебе гонорар в десятикратном размере, если ты дашь мне интервью с этим типом.

Агата водрузила на аккуратный носик очки и с интересом посмотрела на редактора. Сейчас он ей напоминал ее ненаглядного Дениса, и это не могло не забавлять ее.

— Только из уважения к вам, как к специалисту высокого класса, я не пошлю вас в одно известное место. Ничего не обещаю, интуиция пресловутая, женская, подсказывает, что ничего не выгорит, но я обещаю, что попытаюсь. — Она поднялась со стула, взяла свою куртку красного цвета с капюшоном, сумку большую и неудобную и покинула кабинет главного редактора.

— Спасибо, Крайнова! — крикнул ей вслед Павел Павлович.

Она вышла из небольшого, но уютного здания издательства и пошла к своей машине, припаркованной по специальному разрешению на стоянке редакции.

Агата ездила на «Оке» и нисколько этого не стеснялась. Это была ее первая машина, купленная шесть лет назад и продолжавшая исправно служить своей хозяйке. Она давно могла позволить себе другую машину и уже устала выслуши-

вать насмешки от друзей и знакомых, улюлюканье и свист других водителей на дороге. Но рука не поднималась избавиться от своей машины. Агата сама была хрупкой комплекции и уже привыкла к своей маленькой машине. Надо отметить, что «Ока» платила ей благодарностью, не попав ни в аварию за шесть лет, ни в серьезный ремонт. Агата любила передвигаться по Москве на маленькой машине и не прислушивалась к чужим советам. Ее подруга Тося расценивала езду подруги на «Оке», как продолжение ее бунтарского характера, своеобразный вызов на дороге дорогим иномаркам.

На дворе стоял конец октября, погода была просто мерзкая, слякотная и мокрая, с порывами пронизывающего ветра. Агата в куртке с накинутым капюшоном замерзла, пока бежала до машины. Сев в «Оку», она сразу же включила печку, радио и достала сигареты из небрежно брошенной на сиденье рядом сумки. Курила она много, особенно когда работала, не щадя легких и сердца. Она приоткрыла дверцу, чтобы дым вышел наружу, но ее сразу же обдало холодной струей воздуха. Агата выругалась, закрыла дверь и затушила сигарету. В это время запищал ее сотовый телефон. На его экране высветилось: «12 часов редакция газеты «Клюква в сиропе». Это сама Агата выставляла себе напоминание несколькими часами ранее.

— Да помню я, помню! — вздохнула девушка, выключила телефон и завела мотор. — Ну, девочка, согрелась? Поехали.

Машина плавно вырулила со стоянки и на-

правилась в другую редакцию. Ехать надо было через весь город, и Агата нервничала, что попадет в пробки, которые съедали драгоценное время. Газета и еженедельник «Клюква в сиропе» представляли собой типично «желтое издание» и пользовались спросом у населения за откровенные фотографии, интервью, самые нелепые сплетни, смелые домыслы, явно чьи-то больные фантазии и публикации исключительно о том, кто с кем спит, кто с кем спал и кто с кем будет спать.

Агата даже на досуге думала, почему это вызывает такой интерес у населения? И пришла к выводу, что, скорее всего, из-за отсутствия полноценной личной жизни. Этим, по ее словам, нездоровым интересом умело руководил главный редактор «Клюквы в сиропе» Тюльпан Тимурович Аскользин — человек нетрадиционной сексуальной ориентации, очень интеллигентный, имеющий два высших образования, умеющий прекрасно играть на фортепьяно, пишущий хорошие стихи и читающий Байрона в оригинале. Поначалу такой контраст шокировал Агату, она просто не понимала, как такой человек может заниматься «грязным» делом, на что Тюльпан Тимурович ответил, грустно улыбнувшись:

— В свое время мне из-за моей сексуальной ориентации не дали заниматься тем, чему я хотел отдать свою душу, а есть хотелось... Вот! Эта газета — мое детище, она дала мне деньги и ту свободу, о которой я мечтал. Теперь я могу заниматься всем, чем хочу, и даже мстить некоторым...

— А бросить это дело? — спросила Агата.

— Уже не могу, уже втянулся, — ответил редактор «Клюквы в сиропе», — к плохому привыкаешь быстро.

Вообще Агата подтвердила для себя одно правило — не судить по внешности и поведению человека о его поступках. По большому счету, если бы Павел Павлович и Тюльпан Тимурович поменялись местами, все встало бы на свои места. Интеллигентный, умный Тюльпан на месте редактора умного, серьезного журнала, и простой, хамоватый «рубаха-парень» Павел в роли редактора «желтой прессы». Но каждый из них занимал свое место и делал это очень даже неплохо, судя по тиражам их изданий и спросу на них.

Офис «Клюквы в сиропе» тоже располагался в соответствующем здании. Старый, высокий, странный дом с окнами-бойницами, с фасада слегка отштукатуренный, а со стороны двора выглядевший весьма печально. Наполовину оторванные водосточные трубы, отвалившаяся местами краска вместе со штукатуркой обнажала кладку из страшных, серых кирпичей. С покосившегося козырька над крыльцом лилась дождевая вода, сами стены дома тоже пропитались влагой. Вход в редакцию находился, конечно же, во дворе. Под так называемые офисы был выкуплен целый этаж, и чего тут только не располагалось, все под стать «Клюкве в сиропе». Из двери общества садоводов-любителей периодически появлялась женщина сурового вида и громко говорила:

— Идет запись на розы. Кто еще на розы?

Тут же был штаб какой-то партии еще офици-

ально не зарегистрированной, так как ее членов не набралось бы и двух десятков. Похоронное бюро с трогательным названием «Забота о вас».

«Нет уж, лучше мы о вас», — невольно подумала Агата, стоя в общем коридоре перед дверью издательства. Она уже хотела пойти «записаться на розы», чтобы хоть на время угомонить эту крикливую женщину, но тут ее пригласили войти.

— Агата, Тюльпан Тимурович ждет вас!

Она думала, почему коммерческая газета размещена в таком паршивом месте, и, кажется, догадывалась почему. Чтобы известные люди, которых эта газета поливала грязью, лишний раз не захотели посетить офис редакции с жалобой. Люди испытали шок и унижение от публикации и еще раз испытают унижение, появившись здесь, да еще если их сфотографируют в таком интерьере.

Кабинет Тюльпана Тимуровича был маленьким, старомодным, но очень чистым и аккуратным. Агате вообще казалось, что редактор относится к тому типу людей, которые всегда раскладывают вещи по своим местам.

— Дорогая Агата, рад вас видеть! Извините, что задержал! — встал и устремился ей навстречу высокий, худой мужчина в дорогом костюме, белоснежной рубашке и ярком галстуке. Он галантно поцеловал ей руку и пригласил присаживаться на удобный, явно антикварный стул, обитый кожей. — Чай? Кофе?

— Кофе с двумя ложками сахара, — ответила Агата.

— Я все знаю, я все помню, дорогая, — улыба-

нулся Тюльпан Тимурович и отдал распоряжение секретарю — молодому человеку с испуганными глазами и безупречными манерами, с трогательной тонкой шеей и волосами в завитушках.

Агата закурила в ожидании кофе, зная, что Тюльпан Тимурович, пожалуй, единственный из известных ей редакторов был некурящим. Но на столе стояла пепельница для посетителей, уже полная окурков. Секретарь принес поднос с кофе, сахарницей, печеньем и конфетами, поставил все перед гостьей и сказал редактору, понизив голос:

— Актриса Белова звонит каждый час и психует, чтобы мы ее фотографии с голой грудью не публиковали. Даже предлагает деньги.

— Не в деньгах счастье, Игорек, а фотографии публикуй, нечего загорать топлес. Ишь какие жеманности, сама ведь хочет этого. Грудь красивая, что скрывать? Потом мне еще и спасибо скажет, когда предложения посыплются сниматься.

Агата выдохнула сигаретный дым.

— А вы никогда не думали, что человек действительно может не хотеть? Вдруг ее фотографии увидит, например, муж — и развалится семья? Или у известных людей не может быть личной жизни, а только общественная? — решила вступить за актрису Белову Агата, хотя и не знала ее.

— Все эти рассуждения мне давно известны, так же очень хорошо известно, что многие мечтают запустить о своей личной жизни какой-нибудь слух. А вот в этот самый карман, — оттопырил Тюльпан Тимурович карман своего пиджака, — клали много раз внушительные суммы за очеред-

ную «утку» в газете с миллионным тиражом. Кто как добывается известности, не мне вам это объяснять. Работа у нас такая, шакалья, а с высокой моралью можно только выпускать кулинарные рецепты. Я допускаю мысль, что один из ста известных людей, возможно, и не захочет мелькать в скандальных хрониках, но что делать? Такие единицы просто попадают под общие жернова, — высказал пламенную речь Тюльпан Тимурович.

Агате стало грустно, словно она пребывала на бесконечном пионерском собрании, причем у всех выступающих была своя правда. А вот кофе у них был очень хороший, и Агата, сняв очки, чтобы они не запотевали от горячего напитка, принялась смаковать его, как истинная ценительница, заодно и несколько абстрагируясь от действительности известным для нее способом.

— Дорогая Агата, я хочу, чтобы вы как можно больше выяснили о личной жизни одного олигарха. Личность очень харизматичная и загадочная, вот полюбуйтеесь на фотографии. — Тюльпан Тимурович протянул Агате две фотографии.

Она приблизила их почти к своему носу и поперхнулась кофе. И без очков Агата увидела господина Берсеньева, даже фотографии были те же, что ей дал редактор солидного издания для деловых людей.

«Видимо, фотограф хорошо вертится в жерновах. Сфотографировал, причем весьма неудачно, интересующего всех человека и разослал сразу во все редакции. Только зря старался, без статьи и

интервью эти фотографии — ничто», — подумала она, затягиваясь сигаретным дымом.

— Александр Романович Берсеньев? — спросила она, вытирая кофе с подбородка.

— А вы его знаете? — оживился редактор, вскидывая удивленно брови.

— С сегодняшнего дня. Мне уже бизнес-журнал дал задание выкачать у него интервью, — закинула ногу на ногу Агата и нацепила очки.

— Вот и отлично! Значит, сам бог велел вам выйти на этого господина. Бизнес-журнал нам не соперник. Их интересуется одно, а нас — совсем другое.

— Не хитрите, Тюльпан Тимурович, вы же прекрасно знаете, что это фактически невыполнимо. Человек категорически не общается с прессой, — сказала Агата.

— Дорогая моя, я, конечно, это знаю. Но вы же у нас такая сообразительная и предприимчивая! Кроме того, гонорар будет соответствующий. — Тюльпан Тимурович быстро написал сумму на листочке и протянул его Агате, у той даже глаза на лоб полезли. Редактор удовлетворенно хмыкнул.

— Видите, не зря будете работать.

— Зачем же он вам так нужен? — удивилась Агата и еще раз посмотрела на фотографии.

— Господин Берсеньев ведет очень замкнутый образ жизни: не ходит по тусовкам, не посещает ночные клубы и светские мероприятия, — предупредил редактор, подливая масло в огонь.

— Ладно, посмотрим! — попрощалась Агата и покинула издательство «Клюква в сиропе».

Она села в «Оку» и сунула новую сигарету в рот.

— А ведь Павел Павлович был прав в том, что я полная дура! Только меня можно было подрядить на такое безрассудство! — вслух сказала она, задумчиво смотря на себя в зеркало заднего вида.

ГЛАВА 3

Человеком, мыслящим с Агатой в одном формате, была ее лучшая и по-настоящему единственная подруга Антонина Михайловна Пирогова.

Эта женщина была действительно уникальна со своей сложной и надломанной судьбой. Познакомились они с Агатой еще в школьные годы, посещая одну музыкальную школу, а затем поступили вместе в университет, только на разные факультеты. Тося предпочла информатику, в совершенстве овладев компьютерными технологиями, а также связями с общественностью. После окончания университета она пошла работать в один закрытый НИИ и вышла замуж за своего начальника. Это были молодые, энергичные люди, полные планов на будущее и погруженные с головой в математику. Но произошло несчастье. Пять лет назад Антонина вместе со своим мужем попала в жуткую автокатастрофу, в которой муж Антонины погиб на месте, а сама она, страшно покалечившись, два месяца пролежала в коме.

После выхода из больницы, в которой Тося

провела полтора года, ей дали вторую нерабочую группу инвалидности и назначили пенсию, а ведь ей было всего двадцать семь лет. Ее мучили постоянные мигрени, боли в спине и руках. Антонине вырезали половину органов, а оставшаяся половина могла работать только на лекарствах.

Несмотря на плачевное состояние здоровья, она не унывала и продолжала жить. Так как у нее не осталось родственников и других близких людей, то ухаживала за Антониной все это время Агата, несмотря на протесты самой больной. Чуть ли не каждый день подруга навещала Тосю в реабилитационном центре и после больницы забрала ее к себе домой. Антонина была очень слаба, почти не могла ходить и после непродолжительной работы долго отдыхала. Но постепенно набралась сил и развернула бурную деятельность прямо в квартире Агаты. Естественно, что весь мир для Антонины заключался в компьютере и в интернет-системе. Она общалась на всех известных интернет-сайтах, завела множество знакомств, играла на бирже, покупала и продавала товары, зарабатывая неплохие деньги. Она занималась разработкой сайтов и писала программы, но Агата знала, что подруга могла также взломать любую систему. В общем, компьютер давал Тосе работу и возможность общения с людьми.

А по части узнать что-либо или найти нужного человека Тосе не было равных. Это была маленькая, полная от постоянной гормонотерапии женщина с торчащими в разные стороны белыми кудряшками на голове, быстрыми, суетливыми

движениями и речью-скороговоркой. Она предпочитала просторные вещи, как сама выражалась, «балахонистого типа», чтобы не обтягивать свое тело. Она все время суежилась, словно боялась не успеть, зная цену жизни.

Агата застала подругу за занятием, совершенно не свойственным ей. Тося вышивала крестиком и при этом радовалась, как дитя.

— Смотри! Здорово у меня получается? — бросилась она к подруге.

— Здорово! — кинула взгляд на кусок материи с неровно нанесенным узором Агата.

Она повесила куртку, сняла сапоги и, пройдя в комнату, плюхнулась в кресло и водрузила ноги на пуфик.

— Обед на плите, — сказала Тося, не отрываясь от своей работы.

— Да что-то не хочется, намоталась с утра.

— Совсем не ешь, это плохо, — не поднимая глаз, отметила Тося. — Что у тебя случилось? Меня-то не обманешь, я чувствую, что ты чем-то озабочена.

— Вот это правильное слово — озабочена, лучше не скажешь!

— Поделись с подругой.

— Да... — махнула рукой Агата. — Боюсь, что это только мои проблемы, причем неразрешимые. Я должна взять интервью у человека, который не дает интервью в принципе. Крупный бизнесмен, владелец компании «Берсеньев» Александр Романович Берсеньев.

— Ой! Черт, уколола палец! — вскрикнула То-

ся и засунула палец в рот. — Это не тот ли, обгоревший в огне?

— Тот, — ответила Агата. — А ты откуда знаешь?

— Случайно наткнулась в Интернете на информацию о нем. Харизматичный тип...

— Покажи мне! — попросила Агата, у которой всю усталость как рукой сняло.

— Сейчас. — Тося шустро переместилась за компьютер и бегло защелкала клавишами. — Сейчас-сейчас... Здесь хитрый сайт... Нужен пароль, но я его знаю. Так... Тоська все знает... Вот... Смотри! Все, что есть на него.

Агата подбежала к подруге и села на соседний стул.

— Александр Романович Берсенев, 36 лет, три года как развивает свой бизнес в России. Входит в рейтинг самых богатых людей...

— Все это мне уже известно, ничего нового, — разочарованно протянула Агата.

— Вот смотри еще... — быстро пролистывала текст Тося. — Прибыл Берсенев из Западной Европы, неизвестно из какой страны. Люди выдвигают предположения, что из Румынии. Александр предпочитает черный цвет в одежде... Каждый месяц с ним видят новую девушку, которая потом бесследно исчезает. Смотри, ссылка на эту информацию: «Получено от сотрудника его компании за вознаграждение», но имени своего он не сказал, аноним, так сказать... хорош сотрудник!

— Предатель! Работать у Берсенева в фирме,